

- ¹⁶ Панорама Шымкента. 1994. 4 февраля.
¹⁷ ЭлитаR. 1994. 7 января. № 1(33); 19 мая. № 19(51).
¹⁸ По данным республиканского еженедельника «Караван». 1994. № 36.
¹⁹ Интервью с А. Исмаиловым, председателем Южно-Казахстанского облизполкома партии «Народный Конгресс Казахстана», объявившей о переходе в оппозицию к политике президента//Своя газета (г. Чимкент). 1994. 2 декабря.
²⁰ По сообщению одноименного органа республиканского общественного славянского движения «Лад». 1994. Октябрь. № 9—10.
²¹ Своя газета. 1994. 12 декабря.
²² Славянские беседы в Казахстане//Стенографические отчеты о заседаниях клуба «Славянские беседы». Вып. 1. Алма-Ата, 1994. Июль-октябрь. С. 27.
²³ Лад. 1994. Октябрь. № 9—10.
²⁴ По данным алмаатинского бизнес-еженедельника «АБВ». 1994. Март.
²⁵ Из сообщения областной газеты «Южный Казахстан». 1994. 22 октября.
²⁶ Гусев П., Лавренов А., Савин И. Результаты анкетного опроса населения на тему «Мнение жителей г. Шымкента о проблемах миграции». Шымкент, 1993. 26 с.
²⁷ Панорама Шымкента. 1994. 19 февраля.
²⁸ Лад. 1994. Октябрь. № 9—10.
²⁹ Казахстанская правда. 1994. 10 августа.
³⁰ Панорама Шымкента. 1993. 15 октября.
³¹ Своя газета. 1992. Август. № 30.

Ethnic aspects of the present socio-economic situation in Kazakhstan

The author analyses the correlations between ethnic, economic and social factors in post-Soviet Kazakhstan. The author came to conclusion that ethnicity in the Kazakhstan society often influence the living conditions and modes of adaptation of different ethnic groups to the economic situation. For the great part these correlations have been produced artificially by the «nationalities policy» during the Soviet period and after gaining independence in 1991.

I. S. Savin

© 1996 г., ЭО, № 5

П. В. Грибанов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МЕКСИКЕ

Памяти С. Я. Серова

Данная статья посвящена общим моментам этносоциальных и этнокультурных процессов в Мексике. Выбор темы далеко не случаен: переживаемый нашим Отечеством непростой период национально-государственных преобразований, обострение в ряде его регионов межэтнических отношений требуют пристального внимания к ситуации в других полиэтнических странах, для того чтобы, во-первых, по возможности использовать их опыт решения аналогичных проблем и, во-вторых, выявить закономерности переживаемого сегодня человечеством «этнического взрыва».

Определенное место в статье уделено состоянию изучения этнических проблем Мексики в отечественной науке с целью в некоторой степени подытожить исследования и отметить их недостатки и одновременно наметить направления, нуждающиеся в изучении в контексте требований, выдвигаемых остротой этнической проблематики в нашей стране и в мире в целом.

Что представляет собой современное население Мексики в этническом отношении? Длительное время в специальной литературе господствовало его деление на «индейцев», «метисов» и «белых», что являлось своего рода данью исторической

традиции, ведущей свое начало с колониальной эпохи, когда все население страны официально делилось на соответствующие касты. Подобные дефиниции продолжают иногда встречаться и в работах современных отечественных специалистов¹. На наш взгляд, реалии современной этнокультурной ситуации в Мексике выглядят несколько иначе, что совпадает с мнением большинства современных исследователей. Такова же и официальная позиция мексиканских властей.

В этнокультурном плане в населении страны выделяются три основные группы: 1) испаноязычные мексиканцы — основное население; 2) представители индейских народов; 3) недавние иммигранты из других стран и их потомки. Численное соотношение этих групп следующее: на середину 1980-х годов, по оценке С. И. Брука, из 75 млн. жителей Мексики было 65 млн. испаноязычных мексиканцев, 8750 тыс. индейцев и около 1,5 млн. остальных жителей².

Как видим, последняя группа по численности самая небольшая, состоит она из уроженцев различных стран — от Италии до России. Основную ее часть составляют выходцы из испаноязычных стран, многие из которых покинули родину по политическим мотивам. Она испытывает своего рода «приливы» и «отливы»; например, в конце 1930-х годов в Мексику переселилась значительная группа испанцев, покинувших родину после поражения республики. Значительная часть испанцев и их потомков в 1960—1970-е годы вернулась в Испанию. В 1970—1980-е годы в Мексику приезжали выходцы из Аргентины, Уругвая, Чили и других стран, где господствовали диктаторские режимы. Процесс демократизации в странах Латинской Америки позволил многим из них вернуться домой, однако и сегодня в Мексике живут группы сальвадорцев и гватемальцев (включая представителей индейских народов — киче, маме, юкатанских майя и др.). Кстати, именно группа центральноамериканцев вызывает и наибольший интерес исследователей³. Что же касается выходцев из нашей страны, то их в Мексике немного, их положению (в силу читательского интереса) посвящены отечественные научные публикации⁴. В отличие от ряда других стран Нового Света в новое и новейшее время в Мексике иммиграция не оказала значительного влияния на процессы этнического развития. Представляется верным мнение отечественного исследователя И. Ф. Хорошаевой, что в 1970-х годах основным содержанием национальных процессов, протекавших в Мексике, являлось взаимодействие между сложившейся крупной этнической общностью — мексиканской нацией — и многочисленными индейскими народами⁵. Соответственно основным содержанием изучения современной этнической ситуации в стране должен быть именно анализ места индейских этносов в целом или отдельных их представителей в существующей социальной структуре, характера взаимодействия между ними и мексиканской нацией.

В 1970-е годы, рассматривая процесс формирования мексиканской нации, И. Ф. Хорошаева отмечала, что при росте интереса в Мексике к индейским древностям «интереса к современной культуре создателей этих древних цивилизаций, их повседневному быту и нуждам не возникло»⁶. Это замечание и сегодня представляется справедливым не по отношению к Мексике, где уже сложилась традиция этнографического и исторического изучения современных индейских народов, а к отечественной науке. Если изучение древних цивилизаций Месоамерики, по справедливому мнению Э. Г. Александренкова⁷, является основным полем деятельности ряда ведущих отечественных американистов (достаточно назвать Ю. В. Кнорозова, Р. В. Кинжалова, В. И. Гуляева), а также вызывает интерес более молодых ученых (А. А. Бородатовой, Г. Г. Ершовой, А. Ф. Кофмана и др.), то собственно современным индейским населением Мексики занималась до недавнего времени лишь И. Ф. Хорошаева, работы которой, во многом заложившие основу для дальнейшего изучения индейских этносов этой страны, оставляют открытыми ряд вопросов, прежде всего из-за своего небольшого объема. Вопросы формирования и развития социальной структуры мексиканского общества получили освещение в 1970—1980-е годы в работах отечественных специалистов — Р. И. Бороздиной, Ю. И. Визгуновой, Г. В. Никольской, Е. С. Пестковской⁸, однако связь социальных моментов с этническими в них не рас-

смастривалась. Если и заходила речь о представителях индейских этносов, то, как правило, лишь при характеристике патриархального крестьянства. В этой связи вполне актуальным представляется замечание видного отечественного американиста Ю. А. Зубрицкого: традиция ставить знак равенства между индейским и крестьянским вопросами «если не завоевала права гражданства среди новых поколений советских латиноамериканистов, то во всяком случае оказала на них определенное влияние»⁹. Следует также отметить, что этносоциальные проблемы в Андских странах несравненно более подробно исследованы отечественными учеными, им посвящен ряд монографических работ¹⁰, которые могут оказаться полезными и при исследовании этнических процессов в Мексике. Мексиканской же проблематике пока не посвящена ни одна монография отечественных этнологов.

Нельзя не упомянуть и о преобладании в нашей науке до недавних пор «марксистско-ленинского», точнее, вульгарно-социологического, подхода к анализу этнических реалий. Все политические, социальные, в том числе этнополитические и этносоциальные, процессы рассматривались в свете теории «классовой борьбы», этническая же специфика часто игнорировалась. Не случайно даже в работах крупнейших отечественных мексиканистов сущность индейской проблемы в Мексике сводилась к аграрной, а иногда индейцы лишь просто упоминались¹¹. Это положение менялось постепенно, «этническое» в исследованиях стало завоевывать себе права наряду с «социальным». Особо следует отметить в этой связи недавние работы Т. В. Гончаровой и И. В. Соколовой, во многом восполнившие прошлый пробел в изучении этнической ситуации в Мексике отечественными специалистами¹². Автору этих строк также удалось опубликовать небольшую работу по этносоциологии мексиканских индейцев¹³. Тем не менее подробный анализ этнической ситуации в Мексике еще далек от завершения отечественными специалистами, и при его проведении часто по-прежнему преобладает формационно-редукционистский подход. Но уже примерно с 1970-х годов в отечественной науке появились первые робкие упоминания о существовании иного, цивилизационного подхода. В то время как об индейцах как о представителях «иной цивилизации» давно уже писали зарубежные, в том числе мексиканские, специалисты, в нашей науке применение цивилизационного подхода при анализе этнических реалий как Мексики, так и других полиэтничных стран, только начинается.

Разумеется, данная статья ни в коей мере не претендует на всесторонний анализ. Задача представляется более узкой — рассмотреть в общих чертах характер отношений между индейскими народами и мексиканской нацией, что могло бы помочь в дальнейшем созданию исторических, этнологических и этносоциологических работ по данной проблематике.

Патерналистская политика мексиканских властей по отношению к индейским общинам способствовала сохранению этничности некоторых исчезающих народов и в отдельных аспектах была более плодотворной, чем, скажем, отечественная политика в отношении малых народов Севера и Сибири. В Мексике, стране полиэтничной, межэтнические отношения имеют более ровный и не столь ярко конфликтный характер, как в отдельных регионах России. Вызвано это, наряду с прочим, и более компетентной «этнической» политикой властей прежде всего в силу ее опоры на широкие и хорошо финансируемые этнокультурные и этносоциологические исследования, а главное — на учет их результатов и мнений специалистов-этнологов.

При исследовании характера взаимодействия между испаноязычными мексиканцами и представителями индейских народов необходимо хотя бы в общих чертах наметить комплекс признаков, позволяющих отличить их друг от друга в этническом плане. Конечно, определение здесь четкого критерия возможно лишь при анализе всего механизма этнокультурного и этносоциального взаимодействия, причем в историческом контексте и с обязательным учетом специфики для отдельных этносов в разных регионах страны, что невозможно в

рамках небольшой статьи. Поэтому пока придется ограничиться лишь наиболее общими моментами.

Отсутствием такого общепризнанного критерия объясняется существующий у авторов разнобой в оценке как численности всего современного индейского населения, так и конкретных индейских народов, да и самого числа этих народов.

Согласно официальной статистике, таким критерием является владение человеком одним из индейских языков. Этот «лингвистический» критерий, отражающий официальный подход к собственно индейской проблеме как языково-культурной, также далеко не сразу утвердился в переписях населения. В переписи 1895 г. принадлежность к индейцам определялась по «расе», т. е. использовался колониальный принцип деления населения на касты. В первой послереволюционной переписи 1921 г. помимо критерия «расы» был введен критерий языка, а в переписи 1930 г. использовался уже только языковой критерий¹⁴. Следует отметить, что в переписях этих лет индейские языки не дифференцировались, выявлялось лишь владение человеком каким-либо из них, что объясняется как слабой изученностью индейских языков, так и отсутствием, с точки зрения властей, необходимости в их изучении. Только с начала 1940-х годов, с проведением карденсистской администрацией активной политики по «интеграции в жизнь нации» индейских масс, и прежде всего по их просвещению, в официальной статистике утвердился принцип выявления знания человеком конкретных индейских языков. Таким образом, по данным переписей можно узнать, сколько человек владело во время опроса индейскими языками и какими именно, а также сколько одновременно — испанским.

По данным последней переписи 1980 г., из более 69 млн. жителей страны на индейских языках говорило 5 181 038 чел. (в 1970 г. — 3 111 415)¹⁵. Официальные оценки (на конец 1970-х годов) сильно разнятся с оценками специалистов, которые приводят разные цифры: 4 млн. или же 8 млн.¹⁶ Что же касается степени владения индейцами испанским языком и численности двуязычных индейцев, то здесь официальные данные, по мнению специалистов, сильно преувеличены¹⁷. Поэтому при оценке языковой ситуации в стране к данным официальной статистики следует относиться с осторожностью.

Нет ясности и в вопросе о числе индейских народов и языков. В работах разных исследователей есть данные о существовании 48, 58, и даже 64 народов и языков¹⁸. Наиболее распространена точка зрения о существовании 56 живых языков¹⁹. Перепись 1980 г. дает сведения относительно 40 языков, на остальных говорило всего лишь 5040 чел.²⁰ Кроме того, по тем же данным, 80% всего индейскоязычного населения составляли носители 12 языков. Это *науа (ацтеки), майя, сапоттеки, миштеки, отоми, целтали (чомула), тотонаки, масауа, цоцили, масаттеки, тараски и уастеки*; причем говорящие на языках первых пяти народов составляют 60% (около 3 млн. чел.) всех говорящих на индейских языках.

Однако языковой критерий для решения поставленной нами задачи представляется недостаточным, так как необходимы и данные о численности индейцев, утративших традиционные языки. В комплекс признаков, отличающих индейца от испаноязычного мексиканца, входят, по определению мексиканских исследователей, одежда, сельскохозяйственная технология, религиозные верования, особенности быта²¹. Все же основным, а иногда и единственным признаком, позволяющим выделить представителя конкретного индейского этноса, являются даже не особенности культуры, которые, кстати, различаются и у разных региональных групп мексиканцев, а этническое самосознание. По сведениям, приводимым С. И. Бруком в 1983 г., в Мексике проживало около 5 млн. испаноязычных индейцев²². Следует при этом учитывать, что это не «индейцы вообще», а представители конкретных этносов, утратившие традиционные языки. В Мексике специфика исторического развития определила отсутствие жесткого барьера между индейцами и мексиканской нацией. Такой барьер существовал лишь в колониальный период, во времена системы каст, сегодня же можно говорить об испаноязычных майя, испаноязычных сапотехах и т. д. Соответственно, принимая

оценку в 5 млн. индейцев, утративших традиционные языки, необходимо учитывать, что это — представители конкретных индейских этносов. Нужно иметь в виду существование своего рода переходных групп между каждым индейским народом и мексиканской нацией. Величина таких групп различна в каждом конкретном случае, но отсутствие специальных опросов объясняет и отсутствие соответствующих статистических данных. Кроме того, переходные этнические группы должны коррелировать с определенными социальными группами и слоями.

Возвращаясь к данным официальной статистики, следует также отметить, что если относительный вес индейских народов во всем населении страны постоянно уменьшается, то его абсолютная численность растет. Продолжает сохраняться и традиционное географическое размещение индейскоязычного населения, хотя ареалы его компактного расселения постоянно уменьшаются. Сегодня основная часть индейского населения сосредоточена в южных и центральных штатах. Наиболее «индейскими» являются Чиapas, Оахака, Юкатан и Кинтана Роо, значительные группы индейскоязычного населения находятся также в штатах Мехико, Веракрус, Пуэбла, Табаско, Сан Луис Потоси, Керетаро, Гереро, Идальго, Мичоакан. Вместе с тем ни в одном из штатов такое население не составляет большинства всех жителей. Однако, обращаясь к данным по этническому составу жителей муниципий, самых мелких территориально-административных единиц, можно заметить, что почти во всех штатах страны (за исключением северо-восточных) существуют муниципии, в которых индейскоговорящее население составляет 30 и более процентов. Это, как правило, муниципии в горных и лесных районах, основу экономики которых составляют нетоварное земледелие, скотоводство, охота и собирательство. Именно эти отдаленные муниципии и являются в Мексике, по выражению крупного ученого Г. Агирре Бельтрана, «районами быжиза» индейского населения.

Что же представляют собой эти «индейские» районы в социально-экономическом плане? В работах ряда мексиканских социологов основная часть их населения характеризуется как «патриархальное крестьянство»²³, что повлияло и на точку зрения отечественных исследователей²⁴. Действительно, по аграрному кодексу индейские общины были приравнены к создаваемым крестьянским общинам-кооперативам «эхидо». Но при глубоком анализе экономики индейских общин выявляется их коренное отличие от эхидальных хозяйств: основу их экономической системы составляют нетоварное земледелие и скотоводство. Можно сказать, что индейское общинное хозяйство сохраняет в определенной степени экономические и социальные традиции доколониальной эпохи, хотя эти традиции повсеместно в той или иной степени испытали влияние капиталистической экспансии. Это существенно повлияло на весь образ жизни и культуру индейцев, на основании чего один из основоположников мексиканского индихенизма и создателей официальной концепции интеграции М. Гамио сделал знаменитый вывод о том, что «чистый индеец не существует»²⁵. Экономика индейских общин в течение последних столетий испытывала изменения не столько качественного, сколько количественного порядка. В течение всего периода политической независимости Мексики как размеры участков, принадлежащих индейским общинам, так и само число общин неуклонно уменьшались.

Революция 1910—1917 гг. несколько замедлила процесс экспроприации общинной собственности, более того, весь послереволюционный период государство проводило по отношению к общинам патерналистскую политику, правда, не всегда последовательно. По официальным данным, за время проведения аграрной реформы на середину 1960-х годов 524 индейским общинам было возвращено 4,5 млн. га земель²⁶. В то же время и в 60-е, и в 70-е годы XX в. доля общинного землевладения не превышала 5% всех обрабатываемых площадей²⁷ при том, что индейцы-общинники в 1960 г. составляли 16% экономически активного сельского населения²⁸. Кроме того, при сохранении в целом прежней доли общинного землевладения за последние 30 лет уменьшалось как число общин, так и численность глав семей, являвшихся пользователями участков общинной земли. Если в

1950 г. около 2 тыс. общин владело 7,5 млн. га, то в 1960 г. 1915 общин — 8,7 млн. га²⁹. В 1960 г. пользователями участков общинной земли являлось 350 тыс. глав семей, а в 1970 г. — лишь 200 тыс.³⁰

Социально-экономическая жизнь общины уже характеризовалась в другой работе автора данной статьи³¹. Отметим лишь относительную социальную однородность общины, в целом сохраняющуюся с доколониального времени. При этом следует учитывать, что разные общины неодинаково включены в современные экономические отношения. Ряд исследователей прямо различают традиционные («племенные») и «современные» общины, прежде всего в зависимости от характера их социально-экономического взаимодействия с экономикой страны³². Социально-экономическая градация общин часто не совпадает с этнической. Например, у майя существуют и общины, замкнутые в себе, почти несвязанные с общенациональным рынком, и общины, занятые производством сельскохозяйственной продукции на продажу³³. Именно в последних прежде всего сокращается число общинников — пользователей земли. В социально-экономическом плане такие общины действительно имеют много общего с мексиканским испаноязычным «патриархальным» крестьянством³⁴. Но в целом общины индейцев в отличие от мексиканского крестьянства с доколониальных времен сохраняют механизмы, препятствующие в них резкой социальной дифференциации: переделы земли, выполнение наиболее зажиточными общинниками административно-религиозных функций, связанных со значительными расходами.

Общинники отличаются от остального населения Мексики не только по социально-экономическим показателям. Их традиционные этнические культуры, при языковых и иных особенностях, присущих разным этносам, имеют и отличную от доминирующей в мексиканском обществе морально-этическую доминанту. Характерной чертой мировоззрения индейцев продолжает оставаться антипотребительство, критическое отношение к накопительству и понимание престижа, связанное с личным трудом и полезностью общине³⁵. Сохраняются приоритет социума над каждым из его членов, установка на неизменность традиционной системы взаимосвязей.

Индийская община является максимальным уровнем традиционной этносоциальной организации индейских народов. Для ее членов чужаками являются не только испаноговорящие мексиканцы и представители других индейских этносов, но и члены соседних одноязычных общин. Связи экономического порядка между различными общинами поддерживаются посредством «городов ладино» — торговых городов в индейских муниципиях (по определению мексиканского исследователя А. Маррокина, это «города-рынки»)³⁶. Традиционно они являлись аванпостами той этнокультурной и социально-экономической границы, которая существовала и существует между индейцем и испаноязычным мексиканцем. Испанская, а затем мексиканская колонизация «районов убежищ» в известной степени обусловили невозможность этнической консолидации индейских народов. Более того, город ладино, являясь по своей сути колониальным центром в «районах убежищ», не только посредством внеэкономической эксплуатации и принуждения обрекал массы общинников на нищету и отсталость, не только являлся оплотом экспансии сначала феодальных, а затем капиталистических крупных землевладельцев, захватывавших общинные земли: сюда устремлялись и наиболее передовые, динамичные представители общин.

В глухих районах, слабо затронутых испанской колонизацией, эти города стали центрами, где активно шел процесс «ладинизации», т. е. аккультурации индейцев — выходцев из общин разных индейских этносов — нормами бытовой народной испанской колониальной культуры. Проблема и процесс ладинизации, разумеется, нуждаются в специальном и подробном анализе, равно как и содержание терминов «ладино», «испаноязычный мексиканец», сейчас же мы ограничимся лишь краткой их характеристикой.

Вне общин, в том числе в «городах-рынках» в результате контактов представителей разных общин и разных индейских народов с испанскими колонистами

и метисами сформировался слой населения, в котором преобладал индейский (американоидный) расовый элемент, а в этнокультурном отношении — испанский. Следствием брачных контактов стало появление разных категорий: «белых», «метисов» или «индейцев». В условиях колониального общества Новой Испании эти категории довольно быстро превратились в сословные, равно как и в большинстве других стран Испанской Америки, заняли свое четко определенное место в социальной структуре, закреплённой юридически³⁷. Сословно-кастовое деление изживалось, в том числе в обыденном сознании, в ходе революций XIX в., окончательно же было уничтожено революцией 1910—1917 гг., но пережитки его — деление жителей на «белых», «метисов» и «индейцев», равно как и сопутствующие ему стереотипы — не только и сегодня сохраняются в мексиканской индейской «глубинке», что отмечается исследователями, но даже встречаются в декларациях индейских и индихенистских организаций³⁸.

Термин «ладино», постепенно утвердившийся в обиходе и в научной литературе, имел не расовое или кастовое, а прежде всего этнокультурное содержание. Известную аналогию здесь можно обнаружить с термином «чоло» в Андских странах. Но «чоло», во-первых, часто означает как усвоившего испанский язык и культурные нормы индейца, так и метиса низкого социального статуса, и, во-вторых, до сих пор имеет пренебрежительный оттенок, являясь в значительной степени пережитком системы каст. «Ладино» же — человек индейского происхождения, перешедший на испанский язык, усвоивший нормы бытовой народной колониальной культуры и, главное, переставший принадлежать к конкретному индейскому этносу, т. е. утративший традиционное этническое самосознание. Сегодня именно термином «ладино» в районах сосредоточения индейского населения преимущественно называют испаноязычных мексиканцев.

Можно заметить и некоторое сходство слова «ладино» с термином «креол» в странах Карибского региона, особенно на раннем этапе его употребления. «Креолами» в Новой Испании, равно как и в других странах Испанской Америки, называли лиц европейского происхождения, родившихся в колониях. В странах же Карибского региона термином «креол» обозначали лицо африканского происхождения, родившееся в колонии и усвоившее бытовые нормы культуры правящего европейского меньшинства, в том числе язык, и, главное, утратившего сознание принадлежности к какому-либо конкретному африканскому этносу. И карибский креол, и ладино означают соответственно людей неевропейского происхождения, усвоивших нормы европейской культуры³⁹.

«Ладинос», «ладинизированных» индейцев иногда в современной литературе отождествляют с метисами, в том числе и отечественные исследователи⁴⁰. В прошлом такое отождествление встречалось довольно часто. Например, в штате Веракрус метисами называли не только детей от смешанных браков между испанцами и индейцами, но и индейцев, утративших традиционные языки, и потомков иностранцев, утративших свои этнические характеристики⁴¹. Однако чаще при характеристике «деэтнизированных» индейцев употребляется термин «ладино», и, на наш взгляд, он более верно отражает существующие этнокультурные реалии, указывая не на смешанное, а именно на индейское происхождение соответствующей группы испаноязычных мексиканцев.

Следует отметить, что мексиканские исследователи начинают пользоваться термином «мексиканизация», в чем-то тождественным «ладинизации», но имеющим и характеристику иных моментов межэтнического взаимодействия. В частности, Г. Лопес-и-Ривас считает, что мексиканизация как термин сегодня более адекватен при описании этнических процессов, так как в данном случае учитываются не только аккультурация, но и элементы транскультурации и межэтнической интеграции⁴². Усваивая господствующие в испаноязычном мексиканском обществе нормы, индейцы в определенной степени их трансформируют, исходя из вековых особенностей своих культур, традиционных коллективистских связей (здесь можно сослаться на такие формы семейно-родовых связей, как *парентеско* и *компарасго*). С другой стороны, заметная часть метисного и «ладинского»

населения, и прежде всего крестьян-эхидотариев, также испытывает влияние присущих индейским культурам общинно-коллективистских традиций.

Частью мексиканизации индейцев является языковая кастельянизация, т. е. переход к испано-индейскому двуязычию. Этот переход, пока, к сожалению, постепенно ведущий к утрате традиционных языков и этничности, в целом имеет неизбежный характер. Вместе с тем само по себе усвоение индейцами испанского языка бесспорно прогрессивно в силу исторически сложившихся общекоммуникативных функций этого языка в стране. Другое дело, что здесь мы разделяем мнение индейской интеллигенции и индихенистов: необходим поиск баланса для сохранения и владения традиционными языками, чему способствовали бы мероприятия властей в этом направлении (создание и поддержка средств информации, учебных заведений и т. п.). Уже сейчас отдельные индейские языки проявляют стойкую тенденцию к выживанию и развитию, индейско-испанское двуязычие становится присуще не только общинникам, но и метисам, и даже выходцам из иных стран и их потомкам (так происходит с сапотекским языком на Теуантепекском перешейке, в определенной степени с языком майя в Кинтана Роо).

Поэтому не следует исключать возможности распространения регионального двуязычия. Это может стать реальностью, пример тому — соседний Белиз, где двуязычие и даже полиязычие имеет массовый характер и проявляет тенденцию к сохранению⁴³.

Таким образом, на смену доминирующей до сих пор ладинизации приходит мексиканизация, постепенно приобретающая не аккультурационный, а транскультурационный характер. Мы постараемся проследить этот процесс, ведущий к превращению индейца в испаноязычного мексиканца.

«Испаноязычный мексиканец» — более общая категория, включающая как «ладинос», так и метисов и несмешавшихся потомков выходцев из других стран. Этот термин широко используется при характеристике всего неиндейского и неиммигрантского населения страны по ряду причин. Во-первых, и с точки зрения закона и олигетворяющих его властей, все жители страны, за исключением ненатурализованных иностранцев, являются мексиканцами. Во-вторых, «общемексиканское» самосознание в определенной степени с большей или меньшей интенсивностью присуще всему населению. Хотя конкретный индеец-общинник осознает себя прежде всего членом своей общины, но, как отмечают исследователи, «индейская идентичность существует сегодня рядом с мексиканской и внутри нее»⁴⁴. У индейца-общинника этническое, региональное, общегосударственное (мексиканское) самосознание проявляется исключительно тогда, когда он оказывается в новом общинном, языковом, региональном окружении или вообще за пределами Мексики: при посещении другой общины одного с ним языка, другой общины с иным языком, при перемещении из региона в регион страны, при иммиграции в США.

С другой стороны, во многих случаях индеец, даже утратив традиционный язык и ряд особенностей культуры, сохраняет сознание принадлежности к конкретной общине и к конкретному этносу. При этом его самого окружающие ладинос считают, например, «индейцем из Тцинтцутцана», «тараском из Тцинтцутцана». В целом можно сказать, что при сохранении и в современном мексиканском обществе этнических стереотипов в бытовом сознании, различие между испаноязычным мексиканцем и представителем конкретного индейского этноса лежит прежде всего в сфере самосознания.

Это может выражаться в дифинициях «испаноязычный мексиканец» — «мексиканец-сапотек» (индеец). Здесь сочетаются критерии: язык, особенности культуры, самосознание.

Каков же социально-экономический контекст процесса «ладинизации», превращения индейцев в испаноязычных мексиканцев? Ладинизация может затрагивать в той или иной степени всех членов общины. Это наблюдается в тех случаях, когда небольшая индейская община оказывается в силу исторических причин в окружении испаноязычного населения. Прежде всего это касается индейских общин в северных штатах у папаго, пима, части майо, калифорнийских

индейцев, а также у части науа в центральных штатах⁴⁵. При этом утрачиваются традиционные особенности культуры, в том числе язык, но в большинстве случаев еще сохраняется этническое самосознание. Нередко часть членов одной и той же общины сохраняет знание традиционного языка, в то время как другая это знание уже утратила.

Однако чаще, как и прежде, латинизируются не общинники, а люди, покинувшие общину. Малоземельные и безземельные индейцы в массе своей устремляются не столько в торговые города, где отсутствует спрос на их рабочую силу, сколько в крупные промышленные и портовые центры, а также в северные штаты, где товарное земледелие на орошаемых землях нуждается в рабочей силе. В этом случае традиционные общинные связи играют существенную роль. Именно степень этих связей с общиной исхода в большинстве случаев и определяет стойкость этнического самосознания потомков мигрантов даже в третьем поколении. Выходцы из индейских общин составляют заметную часть недавних переселенцев из сельской местности в крупные города. По данным обследования, в частности, пяти предместий г. Мехико, населенных беднотой, выяснилось, что 64% их жителей происходило из безземельных и малоземельных крестьян, в том числе индейцев⁴⁶. Проблема миграции бывших общинников в города получила освещение в работах мексиканских специалистов, есть исследования и по миграции представителей отдельных конкретных народов — масауа, сапотек, миштеков⁴⁷. В городах складываются своего рода землячества выходцев из одной общины, члены которых оказывают друг другу помощь, а также поддерживают в той или иной степени связь с общиной исхода.

В результате миграции индейцев в северные штаты при крупных сельскохозяйственных массивах возникли даже индейские поселки сельскохозяйственных рабочих. По данным переписи 1980 г., в северных штатах сложилась значительная группа некоренного индейскоговорящего населения. Следует отметить, что миграции представителей конкретных индейских этносов на север географически локализованы. Так, например, науа (ацтеки) мигрируют преимущественно в северо-восточные штаты, где к 1980 г. составили самую крупную индейскоязычную группу. В северо-западные штаты мигрируют преимущественно тараски, миштеки и сапотекы⁴⁸. В целом, рассматривая миграции индейскоязычного населения, необходимо отметить, что наибольшее участие в них принимают представители традиционно высоко развитых народов центра и юго-запада. Географическая локализация районов эмиграции не объясняет, почему мигрируют преимущественно науа, тараски, миштеки и сапотекы, а не соседние с ними отоми, пополуки или тотонаки. Здесь определяющим моментом, скорее, являются особенности этносоциального характера (прежде всего, уровня латинизации), сложившиеся исторически. По сравнению с другими регионами индейскоязычное население Чиапаса охвачено миграциями в меньшей степени. Здесь также определяющим является не географический, а этносоциальный фактор.

Как отмечалось ранее, центрами притяжения мигрантов наряду с северными штатами являются также промышленные центры, расположенные прежде всего в Веракрусе и федеральном округе. В столичном округе вообще сосредоточено около 20% всего населения страны. Здесь имеются представители почти всех индейских народов, но основную часть индейскоязычного населения также составляют или представители наиболее высокоразвитых и латинизированных этносов (науа, сапотекы, миштеки, тараски, в меньшей степени майя), или представители народов, традиционный ареал обитания которых находится близко — в г. Мехико это отоми, масауа, в Веракрусе — пополуки, тотонаки и уастеки.

И в северных штатах, и в промышленных районах мигранты из индейских общин оказываются в новой социальной и этнической среде, что приводит к их постепенной ассимиляции окружающим испаноязычным населением.

В современном индейском, в том числе индейскоязычном, населении Мексики большинство мексиканских социологов выделяет следующие социальные группы: общинники («патриархальные» крестьяне и полупролетарии), сельский проле-

тариат, городской пролетариат, люмпен-пролетариат, мелкая городская и сельская буржуазия⁴⁹. На наш взгляд, однако, представляется важным подчеркнуть, что кроме общинников все остальные социальные классы и группы состоят из мигрантов, покинувших общины, и являются частью социальной структуры мексиканской нации; выйдя из общины, индеец неизбежно становится в положении мексиканца, от которого его отличают язык и особенности культуры. Соответственно индейские члены всех упомянутых групп и классов — ладинизируемые индейцы, индейцы, превращающиеся в мексиканцев. Разумеется, ход и темпы ладинизации определяются конкретными особенностями для разных социальных групп в разных регионах, а также у разных народов, и их серьезный анализ невозможен без специального этноисторического исследования.

К переходным в этнокультурном отношении социальным группам индейского населения следует отнести также *касиков* — выходцев из общин, подвергающих своих соплеменников эксплуатации под видом традиционным общинных форм взаимопомощи⁵⁰. Наконец, существует еще одна своеобразная социальная группа индейцев — двуязычные учителя и административно-технические работники, специально подготавливаемые из числа общинников в координационных центрах государственной индихенистской службы. Мы рассматриваем представителей этой группы отдельно от других, так как само ее возникновение и существование вызвано не ходом экономического развития индейских районов, а целенаправленной политикой федеральных властей.

Специалисты из числа общинников в общинах готовятся уже давно (начиная с 40-х годов XX в.) для обучения индейцев передовым приемам агротехники, их медицинского, политического и общеобразовательного просвещения. Подготовка этих специалистов являлась и является частью официальной концепции интеграции индейцев. Двуязычные специалисты — такие же, как касики, посредники между общиной и обществом, но в отличие от касиков правительственные чиновники и живут не за счет прямой внеэкономической эксплуатации масс общинников, а за счет получаемого жалования. Наблюдаются и случаи превращения специалистов в касиков. Общинники часто считают их «ладинос»⁵¹.

Двуязычные учителя и другие специалисты, поставленные в положение неких посредников не только между двумя экономиками и социумами, но и между двумя культурами, были призваны содействовать подчинению родной для них культуры другой — общегосударственной, но именно они выступили за расширение прав индейских языков, создали свои организации на региональном и общегосударственном уровнях, возглавили организации отдельных народов. Двуязычные специалисты — та группа индейского населения, которая наиболее активно выступает за сохранение и развитие индейских языков и культур. Именно их деятельность обусловила изменения в официальном подходе властей к «индейскому вопросу». Сегодня руководители Мексики уже не подразумевают под «интеграцией индейцев» их поглощение испаноязычной мексиканской нацией, а делают акцент на необходимости сохранения всего ценного в традиционных культурах. На официальном уровне закрепился взгляд на мексиканское общество как на поликультурное и полиэтничное, причем культуры конкретных индейских этносов рассматриваются как основа региональных культур. Такая трактовка вопроса этнического развития индейских народов, как региональный плюрализм в рамках единой мексиканской культуры, в целом разделяется и большинством мексиканских ученых-индихенистов. Однако если одни из них считают возможным сохранение в индейских районах прежнего административно-управленческого порядка, то, например, Г. Бонфил Баталья отстаивает необходимость проведения там административно-территориального размежевания, которое наряду с созданием подлинно «индейских» органов управления на всех уровнях единственно может обеспечить возможности для этнического развития коренного населения⁵². Следует заметить, что позиция ряда ученых-индихенистов и индейских организаций, требующих проведения территориально-административной реформы, в какой-то степени связана с опытом национального строительства в СССР,

что сегодня вызывает скепсис и насмешки отечественных журналистов⁵³. Как бы там ни было опыт советского национального строительства в какой-то степени стимулировал начатые со времен Л. Карденаса изменения в «индейской» политике мексиканских властей.

В целом же достоинством мексиканской этнополитики является довольно успешный поиск баланса между интересами государства и отдельных этносов при безусловном примате общегосударственных интересов.

Стоит напомнить, что весь прошлый век мексиканские власти постоянно боролись с сепаратизмом отдельных индейских народов, прежде всего яки и майя, применяя для этого репрессии и переселения, по ужасам затмевающие сталинские. Сегодня же ни один индейский народ не добивается выхода из единого с испаноязычными мексиканцами государства. Создание же административных единиц для индейских народов, возможно, рано или поздно встанет на повестку дня и в Мексике. Пока же в силу ряда дезинтегрирующих факторов, и прежде всего социально-экономического и административно-территориального, самостоятельное этническое развитие индейских народов Мексики существенно затруднено. Вместе с тем это не исключает процессов сближения родственных народов, что в свое время отмечала И. Ф. Хорошаева⁵⁴, повышение роли в некоторых регионах индейских языков⁵⁵. Отмечаются и попытки создания современной профессиональной культуры, в том числе театральной, у некоторых наиболее развитых индейских народов, например, у науа⁵⁶.

Важно также указать на эндогамию, характерную для большинства индейских этносов. Ее сохранению, как отмечала И. В. Соколова, способствует существование взаимно негативных стереотипов у индейского и метисного населения⁵⁷.

Но, несмотря на уменьшение роли физической метисации, аккультурация, «ладинизация» продолжают характеризовать этнические процессы среди всех индейских народов Мексики. Представители большинства индейских народов сыграли свою роль в формировании современной испаноязычной мексиканской нации. Сегодня здесь ни один индейский этнос не обособлен от нее полностью. Как отмечал Я. Г. Машбиц, «в Мексике нет ни клочка территории, который был бы отгорожен от национальной жизни»⁵⁸. Более того, мексиканская нация скрепляет, связывает разные индейские народы. Как в прошлом, так и в настоящем наиболее динамичные, активные, образованные индейцы пополняли и пополняют мексиканскую нацию, хотя на пути к превращению в испаноязычных мексиканцев существуют определенные препятствия, имеющие, однако, не расовый, а этнокультурный и, главное, социальный характер. Иными словами, индеец-общинник, овладев испанским языком и бытовой культурой, имеет равные шансы с мексиканским крестьянином-эхидотарием для социального роста. Другое дело, что для этого он должен покинуть общину, что в силу исторически сложившихся земляческих связей возможно далеко не везде. Именно в тех случаях, когда миграция из общин существенно затруднена, аграрное перенаселение, нехватка земли, произвол властей и касиков вынуждают общинников прибегать и к вооруженным выступлениям. Это наблюдалось в 1970-х годах в штатах Гереро и Оахака⁵⁹, но особенно ярко проявило себя в штате Чиapas.

В Чиапасе, наиболее «индейско-общинном» и экономически отсталом штате, права общинников ущемлялись вопиющим образом, что отмечалось и международными организациями⁶⁰. В конце концов это и вызвало восстание значительной части общинников. События в Чиапасе требуют специального и отдельного рассмотрения, в контексте же нашего исследования необходимо отметить, что восставшие не вели «войну рас», а требовали соблюдения своих политических и социально-экономических прав именно как мексиканские граждане⁶¹.

Подводя итог обзору этнических процессов в Мексике, можно заключить, что на современном этапе, как и в прошлом, индейские общины составляют своего рода «субстрат» мексиканской испаноязычной нации, за счет которого она постоянно пополняется, хотя механизм этого пополнения специфичен. Между индейскими народами, максимальным уровнем социально-экономической

организации которых являются общины, и испаноязычной мексиканской нацией существуют переходные в социально-экономическом отношении группы, пополняемые бывшими общинниками. Эти группы являются переходными и в этнокультурном отношении: социально-экономические условия вызывают «мексиканизацию» (которая до сих пор в большинстве случаев сводится к латинизации) их членов, их постепенное превращение в испаноязычных мексиканцев.

С другой стороны, аккультурация индейцев и постоянное ущемление прав общин вызывают закономерную ответную реакцию отторжения не только социально-экономического, но и культурно-цивилизационного характера. Индейский общинный мир, стремясь усвоить технологические ценности современной «западной» цивилизации, проводниками которой являются испаноязычные мексиканцы, в то же время отторгает присущие этой цивилизации индивидуализм и потребительство. Общинно-коммуналистские традиции индейцев, их опыт гармоничного взаимодействия с окружающей средой сегодня вызывают внимание не только мексиканских интеллектуалов, но и оказывают влияние на рядовых испаноязычных мексиканцев, прежде всего на крестьян-эхидотариев. Намечается некоторая (хотя пока слабая) тенденция превращения «мексиканизации» в гармоничное поликультурное развитие полиэтнического общества.

Мексиканизация уже в какой-то степени есть влияние индейских культурно-цивилизационных традиций на некоторые этнические реалии и собственно испаноязычной мексиканской нации, отличающие от ее ряда наций других стран Нового Света, в том числе с индейским населением, что отражается даже в терминологии. В Мексике в отличие от других стран при характеристике индейской проблематики используется термин не «индеанизм», а «индихенизм», т. е. уже терминологически учитывается не индейско-маргинальный, а общенациональный аспект проблемы, подчеркиваются индейское происхождение и наследие самой мексиканской нации. (Кстати, неучет различия в терминологии снижает достоинство бесспорно интересных работ И. В. Соколовой.) Расовые и в значительной степени этнокультурные различия здесь меньше влияют на возможность социальной мобильности, чем в других странах с индейским населением.

Отсутствие жестких барьеров между разными этническими компонентами населения Мексики особенно ярко проявляется при обращении к той ситуации, в которой оказываются мексиканцы в США. Среди них (часть их составляют индейцы) уже нет межэтнических противоречий, наоборот, все они «чиканос» — и науа, и сапотечи, и испаноязычные мексиканцы ощущают свою общность в отличие от североамериканцев. Многие из «чиканос» при этом все более ярко осознают себя не мигрантами, а возвращенцами на некогда оставленные земли, особенно на юго-западе США. Свою роль в этом играют как исторические события (эти территории были отторгнуты «северным соседом» у Мексики), так и индейское мифологическое прошлое, согласно которому эти земли были прародиной науа (ацтеков) — Ацтланом. В этой связи симптоматично, например, даже название работы мексиканского исследователя: «Чиканос: миф об Ацтлане»⁶².

Таким образом, и анализ положения мексиканцев в США невозможен без уяснения полной картины этнической ситуации в Мексике во всех ее аспектах и в историческом контексте, что закономерно требует специального монографического исследования.

Примечания

¹ Латинская Америка. Энциклопедический справочник. Т. II. М., 1982. С. 182, 216.

² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 652—653.

³ Quejada Anayo S., O'Dogherty L. Los refugiados guatemaltecos en Campeche y Quintana Roo // Foro internacional. Mexico, 1986. V. 27. № 106.

⁴ Дик Е. Н. Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // Латинская Америка. 1994. № 11; Боровков А. И. Русская колония в Мексике // Там же. 1990. № 9.

⁵ *Хорошаева И. Ф.* Мексика. Этническая история и национальные отношения // Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М., 1974. С. 78.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Советская латиноамериканистика после победы кубинской революции. М., 1981. С. 161—162.

⁸ *Бороздина Р. И.* Аграрная реформа в Мексике. М., 1976; *Визгунова Ю. И.* Рабочий класс в освободительном движении Мексики, 1960—80-е годы. М., 1989; *ее же.* Рабочий класс современной Мексики. М., 1973; *Никольская Г. В.* Регулируемая эволюция эхидо // Латинская Америка. 1984. № 10; *Пестковская Е. С.* Эволюция классовой структуры Мексики в период стабильного развития (40-е — 60-е гг. XX в.). М., 1979; *ее же.* Гл. VI, VII // Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1983.

⁹ *Зубрицкий Ю. А.* Советская индеанистика: место в латиноамериканистике и основные задачи // Исторические судьбы американских индейцев. М., 1985. С. 186—187.

¹⁰ *Гончарова Т. В.* Индеанизм: идеология и политика. М., 1979; *Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа. Основные этапы истории народа. М., 1975; *Самаркина И. К.* Община в Перу. М., 1974.

¹¹ *Лавров Н. М.* Мексиканская революция 1910—1917 гг. М., 1972; *Шульговский А. Ф.* Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967.

¹² *Гончарова Т. В., Стеценко А. К., Шемякин Я. Г.* Универсальные ценности и цивилизационная специфика Латинской Америки. Кн. 2. М., 1995; *Гончарова Т. В.* Индейские движения в Латинской Америке // Политические партии и движения в Латинской Америке. М., 1993; *ее же.* Раздел, посвященный Мексике // Сбудутся ли пророчества? Индейский вопрос и народные массовые движения. М., 1993; *Соколова И. В.* Эволюция политики официального индеанизма и индейское движение в Мексике в 70-х годах // Америка после Колумба. М., 1992; *ее же.* Государство и индейские этносы в современной Мексике // Расы и народы. Вып. 22. М., 1993; *ее же.* Этнические процессы у индейцев Мексики // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993.

¹³ *Грибанов П. В.* Индейская община и мексиканское общество; некоторые аспекты социального взаимодействия // Америка после Колумба. М., 1992.

¹⁴ *Quatro censo de poblacion. Resumen general. Mexico, 1921; Quinto censo de poblacion. Resumen general. Mexico, 1930.*

¹⁵ *Olivera M. etc.* La poblacion y las lenguas indigenas de Mexico en 1970: mapas y cuadros. Mexico, 1982. P. 21; *Censo General de poblacion y vivienda. X. 1980. Resumen general abreviado. Mexico, 1984. P. 251.*

¹⁶ *Lost Empires, Living tribes. Wash., 1982. P. 386—388; Meyer E., Mansferrer E.* La poblacion indigena de America en 1978 // America Indigena. Mexico, 1979. V. XXXIX. № 2. P. 255.

¹⁷ *Хорошаева И. Ф.* Указ. раб. С. 74.

¹⁸ Ср.: *Los Empires... P. 386—388; Fernandez Mejia M.* La tenencia de la tierra entre los grupos indigenas de Mexico // America Indigena. 1973. V. XXXIII. № 4. P. 1090; *Rubio Orbe G.* Mexico Indigena // America Indigena. 1973. V. XXXIII. № 4. P. 938.

¹⁹ *Хорошаева И. Ф.* Социальная активность индейцев в современной Мексике // Исторические судьбы американских индейцев... С. 192; *Matos Mar J.* Los pueblos indios de America // Pensamiento iberoamericano. Madrid, 1991. № 19. P. 192.

²⁰ *Censo General de poblacion y vivienda. X. 1980... P. 251.*

²¹ *Aguirre Beltran G.* Regiones de refugio. El desarrollo de la comunidad y el proceso domencial en mestizo America. Mexico. 1967; *El proceso de aculturacion. Mexico, 1957.*

²² *Брук С. И.* Указ. раб. С. 652.

²³ См., например: *Bartra R.* Estructura agraria y clases sociales en Mexico, 1980.

²⁴ *Бороздина Р. И.* Рабочий класс современной Мексики... С. 73—74; *Пестковская Е. С.* Указ. раб. С. 87—90.

²⁵ *Gamio M.* Consideraciones sobre el problema indigena. Mexico, 1948. P. 58.

²⁶ Conferencia mundial sobre la reforma agraria mexicana. Roma, 1966. P. 1.

²⁷ *Bartra R.* Op. cit. P. 106.

²⁸ *Fernandez Mejia M.* Op. cit. P. 1086.

²⁹ *Бороздина Р.* Рабочий класс... С. 73.

³⁰ *Estructura agraria y desarrollo agricolo en Mexico. Mexico, 1974. P. 977.*

³¹ *Грибанов П. В.* Указ. раб.

³² *Wagley Ch., Harris M.* A Typology of Latin American Subcultures // American Anthropologist. 1955. V. 57. N 3. Part 1; *Camara F.* Aspectos sociales y culturales de la American Indigena // America Indigena. 1954. V. XIV. № 2; *Idem.* Las subculturas mexicanas como partes integrantes de los municipios; estructuras tradicionales y modernas y su organizacion y gobierno // Revista Mexicana de Ciencia Politica. Mexico, 1972. № 67.

³³ *Camara F.* Op. cit. P. 112—113.

³⁴ *Ibid.* P. 113—114.

³⁵ *Iszaevich A.* Modernizacion de una comunidad oaxaquena del valle. Mexico, 1973. P. 171.

³⁶ *Marroquin A.* La Ciudad Mercado (Tlaxiaco). Mexico, 1978.

³⁷ *Серов С. Я.* Этнические процессы в Инкской империи и в колониальном Перу // Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981; *его же.* Кастовая система в колониальном Перу // Сов. этнография. 1972. № 6.

³⁸ *Fernandez Valdes M.* Los mazahuas: un grupo en rapido proceso de cambio // America Indigena. 1973. V. XXXIII. № 4; *Carta de Patzcuaro // Utopia y revolucion: El pensamiento politico contemporaneo de los indios en American Latina. Mexico, 1981. P. 372.*

³⁹ *Грибанов П. В.* Креолизация и межэтническая интеграция в полиэтничных странах Карибского региона // Этнограф. обозрение. 1995. № 6.

⁴⁰ *Соколова И. В.* Этнические процессы...

- ⁴¹ Montemayor F. La poblacion de Veracruz. Veracruz, 1956. P. 21.
- ⁴² Lopez y Rivas G. Antropologia. Minorias etnicas y cuestion nacional. Mexico, 1988. P. 122.
- ⁴³ Подробнее о ситуации в Белизе см.: Грибанов П. В. Этносоциальные процессы в Белизе и Гайане. М., 1993.
- ⁴⁴ America Indigena. 1981. № 4. P. 28.
- ⁴⁵ Соколова И. В. Этнические процессы... С. 223—224.
- ⁴⁶ Cornelis W. Politics and migrant poor in Mexico City. Stanford, 1978. P. 20.
- ⁴⁷ Arispe L. Migracion, etnicismo y cambio economico: un estudio sobre migrantes campesinos a la ciudad de Mexico. Mexico, 1978; Hirabayshi L. R. Formacion de asociaciones de pueblos migrantes a Mexico: mixtecos y zapotecos//America Indigena. 1985. V. XLX. № 3.
- ⁴⁸ Censo General de poblacion y vivienda. X. 1980.
- ⁴⁹ Bartra R. Op. cit.; Ensayos sobre las clases sociales en Mexico. Mexico, 1976; Pozas R., Pozas Ys. Los indios en las clases sociales de Mexico. Mexico, 1982.
- ⁵⁰ Подробнее см.: Грибанов П. В. Индейская община...
- ⁵¹ Kohler Ul. Ciclos de poder en una comunidad indigena de Mexico: politica local y sus vinculos con la vida nacional//America Indigena. 1986. V. XLVI. № 3.
- ⁵² Bonfil Batalla G. Minorias etnicas. La alternativa del pluralismo//El desafio mexicano. Ensayo. Mexico, 1982. P. 243—252.
- ⁵³ Резниченко В. Страна Ацтеков: поиски родства//Латинская Америка. 1994. № 9. С. 56.
- ⁵⁴ Хорошаева И. Ф. Мексика... С. 82.
- ⁵⁵ Соколова И. В. Этнические процессы... С. 218.
- ⁵⁶ Vision. Mexico. 1987. V. 68. № 7. P. 42—43.
- ⁵⁷ Соколова И. В. Этнические процессы... С. 216—217.
- ⁵⁸ Латинская Америка. 1994. № 1. С. 73.
- ⁵⁹ Hipolito S. Guerrero, amnistia y represion. Mexico, 1982.
- ⁶⁰ Amnistia Internacional. Mexico. Los derechos humanos en zonas rurales. Intercambio de documentos con el gobierno mexicano sobre violaciones de los derechos humanos en Oaxaca y Chiapas. L., 1986.
- ⁶¹ Кондрашова Л. И. Штат Чьяпас. 1994 г./Латинская Америка. 1994. № 11. С. 48.
- ⁶² Lopez y Rivas G. Op. cit. P. 107.

Ethnic processes in Mexico

Some aspects of social and cultural interaction between Spanish-Mexican nation and Indian peoples are analyzed. The definitions «Ladino», «Ladinization», «Spanish Mexicans», «Mexicanization» are specified within the general set of interethnic relations in the country. Transitional ethnocultural groups are viewed as products of the social stratification.

P. V. Gribanov

© 1996 г., ЭО, № 5

Н. В. Шлыгина

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ИНГРИИ

Современное положение проживающих в России финнов занимает немалое место в числе проблем, связанных с их реабилитацией. С одной стороны, осуществляются мероприятия по возвращению их на места исконного проживания — на территорию современной Ленинградской области, с другой — происходит выезд некоторой их части на историческую родину — в Финляндию.

Среди финнов, проживавших в Советском Союзе (на 1989 г. — 67 359 чел.), примерно 90% составляли так называемые ингерманландские, или петербургские (ленинградские), финны, веками жившие на южном побережье Финского залива и на Карельском перешейке, поэтому в данном случае речь идет в первую очередь о них. В связи с современными их судьбами, проблемами переселения, культурного строительства и образования как в российской, так и в финляндской прессе и